

Научная статья

УДК 339.972; 339.984

JEL: F21, F52, G18

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.167-182>

Регулирование прямых иностранных инвестиций для укрепления технологического суверенитета в Европейском союзе

Макарова Анна Алексеевна¹

¹ Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук; Москва, Россия

¹ a.makarova@imemo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7699-2243>

Аннотация

Цель – оценить подход Европейского союза к укреплению технологического суверенитета с помощью инструментов регулирования политики в области прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Методы. В исследовании были задействованы общенаучные методы, включая анализ, синтез и сравнение. Для систематизации представления результатов использованы таблицы. В визуализации измерений применен графический метод.

Результаты работы. На основе анализа экономических, политических и организационных факторов, препятствующих обеспечению технологического суверенитета, выявлены проблемы регулирования общей политики Европейского союза в области прямых иностранных инвестиций. Проведена оценка инструментов. Показаны слабые стороны подхода ЕС к регулированию прямых инвестиций для укрепления Союзом технологического суверенитета.

Выводы. Проведенное исследование показало, что текущий подход ЕС к политике в области ПИИ и применяемые в его рамках инструменты оказывают недостаточное влияние на укрепление европейского технологического суверенитета. Для повышения эффективности в привлечении и распределении финансирования стратегически значимых проектов ЕС сосредоточен на продвижении рамочных программ. Тем не менее, ключевым барьером здесь выступает ограниченность общего бюджета. В политической повестке действия ЕС направлены на диверсификацию партнеров, но их круг ограничен соображениями национальной безопасности, что вряд ли будет способствовать фактической диверсификации. Вероятно, европейский контроль за слияниями и поглощениями сведет этот вид инвестиций к минимуму, однако строительство промышленных предприятий, инфраструктурных объектов и прочих ПИИ, способствующих как фактическому развитию принимающей страны, так и несущих выгоды инвестору, в целом приветствуется. Учитывая новые условия для ПИИ, ожидать большого количества входящих потоков инвестиций в ЕС не следует, но их польза для укрепления технологического суверенитета будет выше.

Ключевые слова: технологический суверенитет, ПИИ, ЕС, экономическая безопасность, механизм скрининга ПИИ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Макарова А. А. Регулирование прямых иностранных инвестиций для укрепления технологического суверенитета в Европейском союзе // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 1. С. 167–182

EDN: <https://elibrary.ru/vblai>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.167-182>

© Макарова А. А., 2025

Original article

Regulating foreign direct investment to achieve technological sovereignty in the European Union

Anna A. Makarova¹¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia¹ a.makarova@imemo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7699-2243>

Abstract

Purpose: is to assess the European Union's approach to strengthening technological sovereignty through the instruments of regulation of foreign direct investment (FDI) policy.

Methods: the study involved general scientific methods, including analysis, synthesis and comparison. Tables were used to systematize the presentation of the results. A graphical method was used to visualize the measurements.

Results: based on the analysis of economic, political and organizational factors that hinder ensuring technological sovereignty, the problems of regulating the general policy of the European Union in the field of foreign direct investment are identified. An assessment of the instruments is carried out. The weaknesses of the EU approach to regulating direct investment are shown to strengthen the Union's technological sovereignty.

Conclusions and Relevance: the study found that the current EU approach to FDI policy and the instruments used within it have insufficient impact on strengthening European technological sovereignty. To be more effective in attracting and distributing funding for strategically important projects, the EU focuses on promoting framework programs. However, the key barrier here is the limited overall budget. The political agenda of the EU aims to diversify partners, but their range is limited by national security considerations, which is unlikely to contribute to actual diversification. European control over mergers and acquisitions will probably reduce this type of investment to a minimum, but the construction of industrial enterprises, infrastructure facilities and other FDI that contribute to both the actual development of the host country and bring benefits to the investor are generally welcomed. Given the new conditions for FDI, one should not expect a large number of incoming investment flows to the EU, but their benefit for strengthening technological sovereignty will be greater.

Keywords: technological sovereignty, FDI, EU, economic security, FDI screening mechanism

Conflict of Interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Makarova A. A. Regulating foreign direct investment to achieve technological sovereignty in the European Union. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(1):167–182. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/vblai>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.167-182>

© Makarova A. A., 2025

Введение

Важным аспектом дискуссий по вопросам укрепления технологического суверенитета является пересмотр отношения к прямым иностранным инвестициям. За долгие годы распределения производства, особенно высокотехнических товаров, через глобальные цепочки говорить о том, что сегодня кто-либо способен в одиночку воссоздать подобного рода предприятия полного цикла или целые отрасли, не приходится. Помимо прочего, для этого нужны соответствующие финансовые ресурсы, одним из источников которых являются прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Будучи одним из ключевых бенефициаров глобализации,

ЕС также утратил эту способность. Возникает дилемма: как, укрепляя конкурентоспособность собственного рынка в ключевых и стратегически значимых отраслях, обеспечить необходимый приток иностранных инвестиций. Этот вопрос актуален и для России, стремящейся стать одним из мировых технологических лидеров¹.

Примечательно то, что ни в одном из нормативных документов, где упоминается технологический суверенитет Европы, нет определения этой концепции или ее правовой основы. В политическом дискурсе ЕС технологический суверенитет часто взаимозаменяем со стратегической автономией [1], цифровым суверенитетом [2] и экономической

¹ Законопроект № 632206-8 «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632206-8> (дата обращения: 03.12.2024)

безопасностью [3], и вопрос о нем поднимается, когда речь заходит о проблемах в области технологий [4], экономики (например, доступ к материалам по цепочкам создания стоимости) [5] и регулирования (например, влияние технологий на европейские ценности) [6]. В отличие от ЕС, в РФ определений «технологического суверенитета» несколько, причем они не идентичны, что также затрудняет выработку эффективной политики².

С 2017 г. политическую рамку популярности «европейского суверенитета» обеспечивал президент Франции Э. Макрон; после него призывы к повышению независимости Европы не раз озвучивал германский канцлер О. Шольц [7]. Общим знаменателем стало то, что ЕС необходимо снижать чрезмерную зависимость от третьих стран, переосмыслить либеральный подход к внешнеэкономической деятельности и задуматься об угрозах национальной безопасности, поскольку экономика (в лице внешней торговли и прямых иностранных инвестиций) стала все чаще использоваться третьими странами как инструмент внешнего давления на ЕС.

С 2018 г. этот дискурс прочно вошел в обиход Европейской комиссии (ЕК) под председательством Ж.К. Юнкера и укрепился при следующем главе – У. фон дер Ляйен. Помимо различных программ и директив, касающихся напрямую цифровых рынков и прочих стратегических секторов, для предотвращения дальнейшего ослабления европейского технологического суверенитета в 2019 г. было предложено специальное законодательство, регулирующее доступ ПИИ в критические отрасли (механизм скрининга ПИИ в ЕС)³.

Особое значение в продвижении концепции «европейского технологического суверенитета» имело влияние пандемии COVID-19, которое в очередной раз показало недостатки европейского подхода реагирования на внешние шоки [8], а также бремя энергетического кризиса [9, 10]. По итогу многолетних дебатов в июне 2023 г. была выпущена первая стратегия экономической безопасности ЕС⁴. В начале 2024 г. ЕК предложила 5 до-

полнительных инициатив⁵, 2 из которых напрямую затрагивают политику в области ПИИ, свидетельствуя о несомненной значимости формирования общего подхода ЕС к ПИИ и их влияния на экономическую безопасность, включая технологический суверенитет Европы [11], что определяет актуальность настоящего исследования.

Целью работы является оценка подхода ЕС через определение проблем, с которыми сталкивается Союз в своем понимании укрепления технологического суверенитета в части формирования общей политики в отношении ПИИ.

В задачи исследования поставлено:

- обозначить специфику подхода ЕС к роли ПИИ в концепции европейской модели технологического суверенитета;
- выявить факторы, ограничивающие эффективное формирование политики в области ПИИ;
- исходя из природы факторов (экономической, политической, организационной), раскрыть текущие недостатки подхода ЕС для целей укрепления технологического суверенитета.

Обзор литературы и исследований

В научном дискурсе стремление стран к достижению технологического суверенитета представляется спорной и неоднозначной концепцией. Не сложилось общепринятого мнения ни относительно ясности целей, ни по поводу инструментов и общееупотребимого определения, хотя как приоритет для научно-технологического развития страны и ее экономического процветания наличие определяемого существительного, то есть непосредственно суверенитета, подразумевалось всегда, по крайней мере, в реализации представлений государства о его самостоятельности [12]. Тем временем, в зарубежных исследованиях нередко встречается толкование словосочетания с позиции национальной безопасности (технологической, экономической или других ее составляющих), например, как борьба за независимость и автономию посредством индигенизации технологий [13–15]. Ввиду скорости и масштабов проникновения цифровых

²Прим. Автора: Например, в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 г.» и Указе Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

³Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union // European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (дата обращения: 05.05.2024)

⁴Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on “European Economic Security Strategy” (Document 52023JC0020) // European Union. 20.06.2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023JC0020&qid=1687525961309> (дата обращения: 01.05.2024)

⁵Commission proposes new initiatives to strengthen economic security // European Union. Press release. 24.01.2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_363 (дата обращения: 03.05.2024)

технологий в социально-экономическую сферу государства технологический суверенитет также называют цифровым или информационным, поскольку цифровая трансформация ставит под вопрос автономность средств производства и действий государств, а также их способность гарантировать защиту своих стратегических интересов [16].

В некоторой степени, помимо своей давности⁶, акцент на суверенитете как определяемом существительном нивелирует проблему множественности трактовок. С.А. Афонцев указывает, что импорт концепции суверенитета государства из теории международных отношений допускается в экономической сфере и задает рамки его базовых измерений (во внутренних делах, в международном взаимодействии и международном праве с точки зрения субъектности и равноправности) [17]. В этой системе координат во внутренних делах ЕС может ставиться проблема ограниченной субъектности наднациональных органов интеграционных объединений, поскольку, как известно, последние вторичны и действуют по волеизъявлению государств-участников. Тем самым понятие технологического суверенитета ЕС становится возможным рассматривать через призму способности Союза, наделенного странами-членами соответствующими полномочиями, независимо создавать и управлять технологиями в рамках его границ. В международном измерении в дискурс вносится проблема наличия у ЕС способности продвигать европейские инициативы на глобальный уровень. В отдельных научных изысканиях это описывается как «эффект Брюсселя», когда с помощью рыночной власти общесоюзные стандарты ЕС трансформируются сначала в зоны геоэкономического влияния, а впоследствии и в общемировые [18], претендуя на монополию регулирования, или на так называемый «регуляторный империализм» [19]. Наиболее заметен «эффект Брюсселя» в климатической дипломатии [20], защите интеллектуальной собственности, персональных данных и кибербезопасности [21, 22], но слабо проявляется в области регулирования ПИИ.

Говоря о практической возможности, важным условием для укрепления технологического суверенитета является способность субъекта привлекать достаточные объемы финансирования, одним из источников которых являются ПИИ. В этой связи речь заходит о выработке такой политики, которая позволяла бы утверждать о стремлении страны к достижению технологического суверенитета, не закрываясь от внешнего мира. В целом, с точки зрения целей политики выделяется три подхода:

протекционистский, инновационный и стратегический отраслевой [23]. С этой точки зрения наиболее радикальным является протекционистский (защитный) подход. Он подчеркивает вредность ПИИ как таковых, указывает на необходимость исключения иностранного участия посредством жесткого регулирования прямых иностранных инвестиций и торговли [24]. Напротив, сторонники инновационного подхода приветствуют присутствие иностранного капитала в стране для получения государствами синергетического эффекта от передачи технологий, стремясь развивать местные инновационные центры и стимулируя повторные вложения прибыли иностранных инвесторов в местные рынки. Таким образом, ими признается необходимость сотрудничества как способ достижения глобальной конкурентоспособности, не исключая при этом защитные меры [25]. В свою очередь, стратегический отраслевой подход предполагает правовые и нормативные ограничения или санкции против отдельных иностранных инвесторов или иностранных компаний. Это видение исходит из предпосылки, что мир вступил в новую эру системного соперничества между конкурирующими геополитическими державами, которые заметно различаются идеологическими ценностями, политическими системами и экономическими моделями [26].

Не меньшую озабоченность в научной дискуссии вызывает включение понятия технологического суверенитета в контекст европейской стратегической автономии, что часто используется в качестве субститута и привносит дополнительную сложность в определение целей и соответствующих политических стратегий ЕС [2, 16]. Это справедливо и для вырабатываемого Союзом общего подхода к регулированию ПИИ, что не может не вызывать проблем с его реализацией.

Материалы и методы

В эмпирическую базу исследования вошли данные, представляемые статистической службой Европейского союза, Бюро экономического анализа США, а также европейскими и американскими аналитическими центрами. В наблюдении использованы опросы компаний, проводимые Европейским инвестиционным банком. Существенная часть работы посвящена анализу законодательных инициатив ЕС, включая программы развития.

Для целей исследования автором выделены три блока проблем: экономические, политические и организационные. В анализе факторов, с которыми сталкивается ЕС, формируя политику в об-

⁶ Прим. Автора: Суверенитет исторически связан с государством и его способностью действовать на своей территории (power to be able).

ласти ПИИ для достижения технологической независимости, приведены расчеты нормы доходности ПИИ по странам-членам ЕС, а также США. Даны оценки научного задела ЕС для укрепления технологической независимости, подтверждаемые сравнительным анализом количественных данных о выпуске высокорезультативных исследований в области критических технологий для ЕС, США и КНР. Приведено сопоставление регулирующих мер и их фактической реализации по странам-членам с учетом удельного веса каждой страны-члена ЕС в накопленных объемах ПИИ. Обогастило исследование графическое представление результатов.

Результаты исследования

Роль ПИИ в концепции технологического суверенитета ЕС

Технологическое отставание Евросоюза в ряде критически значимых технологий будущего велико [2]. Особенно сильно заметен отрыв европейских компаний от США и Китая в области цифровой трансформации, в частности, в ИИ, где, согласно наблюдениям WIPO, патентная активность ЕС крайне низка⁷. Признавая свою уязвимость, Союзом была поставлена нетривиальная задача – как, оставаясь «открытым» для глобализации, иметь возможность «независимо» от партнеров создавать и управлять технологиями⁸. Именно в логике одновременной открытости и защиты выстраивается европейская модель технологического суверенитета.

За компонент «открытости» в модели отвечает концепция «Открытой стратегической автономии» (ОСА). Она появилась после мирового финансового кризиса 2008 г. и постепенно эволюционировала, расширяя границы от сферы обороны и безопасности до общего рынка и ценностей. Собственно, сами европейские парламентарии используют стратегическую автономию и суверенитет как «равные и взаимозаменяемые термины»⁹. В части регулирования ПИИ ОСА предлагает снижение зависимости посредством пересмотра роли ЕС и других стран в глобальных стоимостных цепочках, а также партнерства по правилам, соответствующим ценностям Союза по климатической повестке, правам человека, справедливой конкуренции и прочим.

Компонент «защиты» также представлен в ОСА, но не так ярко выражен в части ПИИ, как, например, в «Стратегии экономической безопасности» (СЭБ), представленной летом 2023 г. Прежде всего СЭБ фокусируется на рисках, возникающих в процессе экономического взаимодействия, и содержит план действий по их минимизации. В отношении ПИИ Стратегия предполагает усовершенствование действующего механизма проверки для входящих потоков ПИИ, а также инициирует публичное обсуждение будущих мер в отношении исходящих инвестиций¹⁰.

Что касается стимулирующих действий, то ни ОСА, ни СЭБ данный вопрос прямо не рассматривают. Он остается на попечении Совета министров ЕС, Европарламента и Еврокомиссии, ведущей торговые и инвестиционные переговоры по соответствующим соглашениям с третьими странами. Хотя и здесь общая рамка мандата Еврокомиссии все больше смещается в сторону защиты европейских инвесторов и общего рынка от «нежелательных» ПИИ. Тем не менее, косвенно, через продвижение инструментов, обозначенных в СЭБ, ЕС привлекает новые партнерства. Например, участница СЭБ, «Стратегическая платформа технологий для Европы», финансируется 11-ю программами, включая Инновационный фонд, Европейский оборонный фонд, а также крупнейшую в мире многостороннюю Horizon Europe 2021–2027 – преемницу более ранних европейских рамочных программ в области НИОКР и технологического развития. На сегодня к Horizon Europe присоединились Южная Корея, Новая Зеландия и Канада в обмен на внесение согласованных взносов в фонд финансирования программы.

Вопрос источников поступления денежных средств как для отдельных европейских программ, так и в целом для укрепления технологического суверенитета является ключевым. Того требует чрезвычайно высокая инвестиционная емкость создания ноу-хау, которая, в свою очередь, нуждается в единой поддержке со стороны стран-членов. Однако возможности общего бюджета ЕС ограничены. Более того, в последние годы росло применение «мер жесткой экономии», связанных не только с COVID-19 и финансовой поддержкой Украины

⁷ Patent Landscape Report – Generative Artificial Intelligence (GenAI) // WIPO. 2024. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/patent-landscape-report-generative-artificial-intelligence-genai/en/index.html> (дата обращения: 09.01.2025)

⁸ Chrétien J., Drouard E. European technological sovereignty // Renaissance Numérique. 2022. URL: <https://www.renaissance-numerique.org/en/publications/european-technological-sovereignty/> (дата обращения: 09.01.2025)

⁹ EU strategic autonomy 2013–2023. From concept to capacity // EU Strategic Autonomy Monitor. EPRS. July 2022. 12 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733589/EPRS_BRI\(2022\)733589_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733589/EPRS_BRI(2022)733589_EN.pdf) (дата обращения: 09.01.2025)

¹⁰ Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on “European Economic Security Strategy” (Document 52023JC0020) // European Union. 20.06.2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023JC0020&qid=1687525961309> (дата обращения: 01.02.2025)

рядом стран-членов, где голоса ЕС разделились, но и в целом со слабым экономическим ростом Европы. По этим причинам регуляторы ЕС призывают к укреплению технологического суверенитета и для углубления европейской интеграции.

Таким образом, в регулировании ПИИ наднациональные органы ЕС преследуют несколько целей:

- 1) продвигать европейский подход к ПИИ через партнерские отношения с перспективой их масштабирования на глобальный уровень;
- 2) защищать общий рынок ЕС в целом и критически значимые отрасли, в особенности от иностранных инвесторов, несущих риски для технологического суверенитета Союза;
- 3) способствовать углублению евроинтеграции посредством передачи новых полномочий наднациональным органам.

Анализ факторов, препятствующих формированию общей политики ЕС в области ПИИ для укрепления технологического суверенитета

В достижении вышеизложенных целей Союз сталкивается с рядом факторов, усложняющих этот путь. Попытки нивелировать их последствия формируют нынешнюю политику ЕС.

Данные факторы можно разделить на экономические, политические и организационные (табл. 1). Последние вытекают из особенностей функционирования ЕС как интеграционного объединения с разным набором полномочий наднациональных органов и национальных правительств в тех или иных областях, что особенно актуально для интеграции в области ПИИ.

Таблица 1

Ключевые факторы, препятствующие формированию общей политики в области ПИИ для укрепления технологического суверенитета

Table 1

Key factors preventing the EU from developing a common FDI policy to strengthen technological sovereignty

Экономические	Политические	Организационные
Низкая емкость внутреннего фондового рынка и недостаток на рынке кредитования	Ограничения по принципам: - «френдшоринга» - «ниаршоринга» - «решоринга»	Ограничения «эффекта Брюсселя» в экспорте европейского подхода к ПИИ
- Высокие текущие издержки производства - Ограничения на создание особых экономических зон	Ограничения, связанные с «зеленой» повесткой в ЕС, и провалы энергетической политики	Провалы в гибком подходе к инвестиционной интеграции стран-членов

Составлено автором.

Compiled by the author.

Экономические проблемы

Поскольку методы достижения технологического суверенитета нередко приравнивают к меркантилистскому поведению [16], привлечение как можно больших объемов капиталов и надежное закрепление последних на национальных рынках является одним из факторов, обеспечивающих экономическое процветание стран.

Для ЕС привлечение частного инвестиционного капитала представляется сложной задачей, особенно на фоне ухудшения инвестиционной ситуации в Европе из-за вовлеченности Союза в конфликт в Украине. Кроме того, растущие риски сбоев в поставках и высокие цены на энергоносители вынудили компании выбрать путь сбережения и отказа от рискованных вложений. Согласно отчету Европейского

инвестиционного банка, в 2023 г. 78% опрошенных фирм ЕС отреагировало на развитие событий на энергетических рынках мерами по экономии энергии и сворачиванием ряда неосновных производств. Это вполне оправдано, поскольку цены на электроэнергию в Европейском Союзе в среднем остаются в три раза выше, чем в США. Ожидая продолжения кризиса, доля компаний ЕС, инвестирующих в энергоэффективность, выросла на 11 п.п. по сравнению с предыдущим годом и составила рекордные 51%¹¹. Резко возросла доля фирм, недовольных доступностью финансирования, с 5 до 14%, при том, что количество компаний, вынужденных тратить резервы и нуждающихся в кредитовании, высока и варьируется от 3% до 18% в зависимости от страны ЕС.

Принятое в 2022 г. решение о разрешении на субсидирование промышленности, как ответ на За-

¹¹ Screening foreign direct investments in the EU // Special report. European court of auditors, 2023. 48 p. URL: https://www.eca.europa.eu/ECAPublications/SR-2023-27/SR-2023-27_EN.pdf (дата обращения: 07.05.2024)

кон президента Дж. Байдена о снижении инфляции (IRA) и Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act), способствовало тому, чтобы европейские компании смогли удержать капиталы. Впервые в истории общего рынка ЕС национальные правительства стран-членов могли сопоставлять европейские субсидии с теми, что предлагаются за пределами ЕС, и уравнивать их, если существует риск того, что проект «стратегической значимости», вероятно, будет реализован в другом месте. Так, например, произошло со шведским производителем аккумуляторов для электромобилей Northvolt и его планами по строительству нового завода либо в США, либо в Германии, если последняя предоставит сопоставимый пакет помощи¹². Кроме Northvolt правительство Германии также обязалось субсидировать ПИИ от американских Intel и Tesla. В целом, в рамках текущего пакета субсидий на 2024 и 2025 гг. правительство Германии предоставило налоговые льготы на электроэнергию на сумму до 12 млрд евро в год. Также предлагается ряд изменений в налоговый кодекс для производственных предприятий. В свою очередь, Франция заявила о введении с 2024 г. двухгодичной «зеленой» налоговой льготы (C3IV) в размере 500 млн евро в год, с возможностью пролонгации программы до 2029 г., что направлено на стимулирование инвестиций в экологически чистые проекты и возрождение промышленного сектора страны.

Тем не менее, стоит подчеркнуть, что в ЕС есть общий консенсус, касающийся временного характера подобной поддержки. Помимо того, что экономический эффект программ субсидирования трудно поддается адекватной оценке соотношения выгод и потерь, их результат можно считать относительным, поскольку существует риск того, что за пределами общего рынка ЕС, особенно в США и Китае, будут предприниматься попытки поддержать национальных производителей во все большем количестве секторов, вызывая тем самым новые волны гонки субсидий. Это особенно критично для ЕС, который не является финансовым союзом и не имеет общей налогово-бюджетной политики, в результате чего национальные программы субсидирования неравномерны и оставлены на ус-

мотрение стран-членов, что неизбежно приводит к расхождениям в объемах инвестиций из-за различных финансовых возможностей каждой страны.

Важным инструментом для привлечения ПИИ являются особые экономические зоны (ОЭЗ)¹³. Тем не менее, по правилам общего рынка типичные для большинства стран мира ОЭЗ в ЕС недопустимы. Как и субсидирование, создание ОЭЗ считается способом оказания государственной помощи промышленности, искажающим конкуренцию. Исключений из общего запрета мало, но они есть.

Во-первых, в ходе присоединения к ЕС стран Восточной Европы было разрешено сохранить уже действующие ОЭС, включая свободные экономические зоны (СЭЗ)¹⁴. Во-вторых, особые привилегии в виде налоговых льгот разрешены в наиболее проблемных районах стран, вне зависимости от давности их членства. Например, во Франции существует более 150-ти таких районов, получивших статус «проектов экономического возрождения». В-третьих, с 2017 г. ЕС ввел некоторые исключения из общего правила о недопустимости предоставления государственной помощи промышленности для ряда экспортно-обрабатывающих зон (ЭОЗ), таких как морские порты и аэропорты. Это нововведение важно в первую очередь для стран, имеющих выход к морю, но менее полезно для центральной части Европы. В частности, например, Италия создала 8 таких территорий в период с 2017 по 2019 гг. Неудивительно, что другие страны-члены выразили недовольство несправедливостью распределения льгот по географическому признаку. Своего рода протестным ответом на действия Союза стало создание в 2020 г. ряда пилотных ОЭС¹⁵ Венгрией, правительство которой воспользовалось для этого введением режима чрезвычайной ситуации из-за COVID-19.

Политические проблемы

Для ЕС инстинктивной реакцией на глобальную неопределенность и череду кризисов, вызванных украинским кейсом, торговой войной между США и Китаем, пандемией и нарушением цепочек поставок, стало приведение в действие «оборони-

¹² Northvolt secures €902m to build EV battery plant in Germany over US // Power technology. 10.01.2024. URL: <https://www.power-technology.com/news/northvolt-ev-battery-plant-germany-us/> (дата обращения: 02.05.2024)

¹³ World Investment Report 2019. Special Economic Zones // UNCTAD. 237 p. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/publications/1204/world-investment-report-2019---special-economic-zones> (дата обращения: 02.05.2024)

¹⁴ Прим. Автора: В ЕС термины «особые экономические зоны» и «свободные экономические зоны» не взаимозаменяемы, поскольку СЭЗ подчиняются Таможенному кодексу Союза. СЭЗ представляют собой закрытые зоны на таможенной территории Союза, куда товары, не относящиеся к Союзу, могут быть ввезены без уплаты импортной пошлины, других сборов (то есть налогов) и мер торговой политики. В ЕС насчитывается более 70-ти СЭЗ, причем наибольшее количество (11) находится в Хорватии.

¹⁵ Прим. Автора: Такое решение было принято из-за планов иностранных инвесторов существенно расширить свое присутствие в Венгрии, но рост издержек тормозил процесс. В частности, южнокорейский Samsung планировал вложить в строительство аккумуляторного завода в Венгрии более 1 млрд долл., а турецкая Yaris Kabin – более 17 млн долл.

тельных» механизмов путем отгораживания Союза от нежелательных экономических интервенций. В этой логике Союзом выстраивается политическая концепция европейской стратегической автономии, воплощающая идею о том, что ЕС и его государства-члены должны иметь возможность самостоятельно принимать решения, не будучи ограниченными своими отношениями с внешними игроками [1, 2, 16].

Отметим, что отгородиться полностью от глобальных рынков ЕС не стремится, и не в силах это сделать. Основная задача эффективной политики – предоставить экспортерам и импортерам максимально широкий спектр замещающих рынков, но добиться этого страны могут, оставаясь открытыми для всех мировых рынков, а не только для «доверенных». Тем не менее, сегодня наднациональные органы ЕС апеллируют к зависимости от государств, проводящих самостоятельную политику, в первую очередь от Китая и РФ, тем самым оправдывая блоковое сотрудничество со странами-партнерами («френдшоринг»), что вызывает сомнения в достижении Союзом фактической автономии.

Ключевую роль в этом сотрудничестве играет Совет по торговле и технологиям ЕС-США (ТТС), функционирующий с 2021 г. в формате встреч 10-ти рабочих групп и министерских конференций с целью выработки общих подходов. Стоит сказать, что в вопросах согласования политики в области экономической безопасности Совет имеет особое влияние на наднациональные органы ЕС. По настоянию членов Рабочих групп 7 и 8 в новую версию стратегии экономической безопасности ЕС 2024 г. было включено два соответствующих специальных раздела по экспортному контролю и скринингу ПИИ.

Пытаясь занимать взвешенную позицию в дебатах по экспортному контролю, Европейская комиссия действует в логике «мягкого» регулирования, посредством выпуска Белых книг, носящих рекомендации для внедрения национальными правительствами. Тем не менее, нельзя исключать вероятность того, что США смогут навязать свои «драконовские» правила, чтобы распространить экспортный контроль, связанный с технологиями, на транзакции между своими иностранными союзниками и Китаем. Кроме того, правовая и коммерческая среда для технологических компаний ЕС также становится все более подверженной Положениям об экспортном контроле США (EAR). Эти меры контроля налагают лицензионные требования на организации, которые находятся в «спи-

сках видов деятельности, несущих значительные риски для интересов национальной безопасности США».

При общем консенсусе ЕС-США о необходимости сдерживания Китая, практика регулирования отношений в сфере ПИИ между ЕС и Китаем скорее характеризуется маятникообразными движениями – то в сторону ужесточения риторики (например, заморозка Всеобъемлющего соглашения об инвестициях), то к балансирующим мерам, направленным на поддержание имиджа открытости глобальному рынку. Последнее определяется многолетней практикой ЕС поддержки международных институтов и их деятельности, в особенности ВТО.

ЕС не видит структурной перестройки экономики в пользу технологий следующего технологического уклада без тесного сопряжения с экологической повесткой. Однако «зеленый» переход добавляет сложности и болезненности переориентации бизнеса на высокотехнологичные рельсы.

С лета 2023 г. европейский «Зеленый курс» находится на нормативной паузе, не в последнюю очередь из-за сопротивления текущему курсу «Зеленой сделки», где ЕС взял на себя обязательство сократить выбросы CO₂ на 55% к 2030 г. Сильнее всего это проявилось на национальном уровне в Италии, Нидерландах, Франции, Германии, Испании, Польше. В результате на выборах в 10-ю легислатуру Европарламента фракция зеленых ожидало потеряла значительное количество мест (около 7% мест в 2024 г. против почти 10% в 2019 г.). На выборах текущего года в Германии поддержка зеленых упала на 10 п.п., во Франции – на 8 п.п., в Ирландии – на 5 п.п. по сравнению с предыдущими выборами, в 2019 г. Тем не менее, зеленым удалось удержать электорат и войти в число победителей в Нидерландах, Дании и Швеции¹⁶.

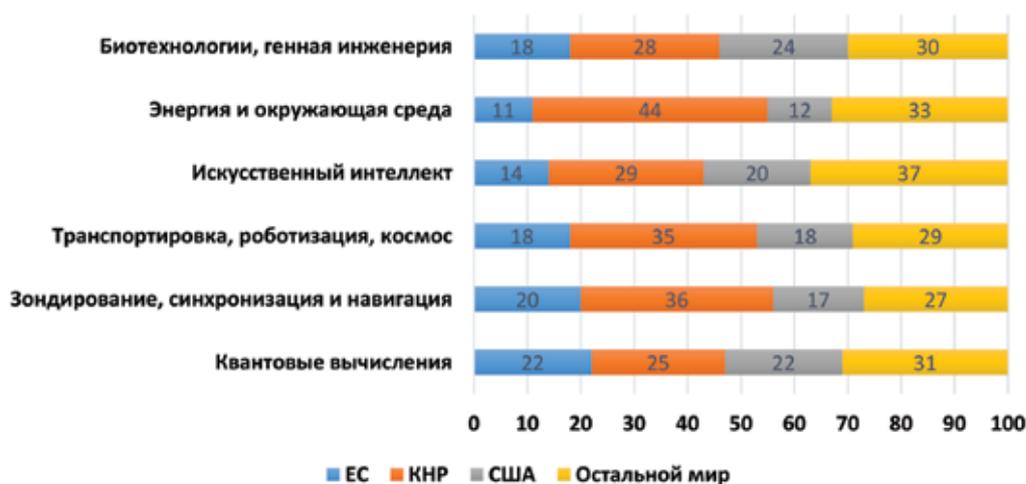
С точки зрения реформирования экономики ЕС зеленые предлагают такие варианты политики как сосредоточение усилий на том, чтобы сделать обрабатывающую промышленность климатически нейтральной или, в случае невозможности достижения зеленых целей для традиционных отраслей на территории ЕС, перенести энергоемкие производства за пределы Союза. Такой подход вызывает широкие национальные дебаты, в первую очередь в Германии – ключевом штандорте в обрабатывающей промышленности ЕС. По данным опроса Союза немецкой промышленности (BDI), с начала энергокризиса 2022 г. почти каждая десятая германская компания прерывала или сокращала выпуск продукции из-за высоких затрат

¹⁶ 2024 European election results // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/index.html> (дата обращения: 14.07.2024)

на энергоресурсы¹⁷. Среди крупных потерь стоит также отметить европейский рынок алюминия, где ЕС утратил около 650 тыс. тонн мощностей первичного производства алюминия, или почти 30% от общего объема рынка¹⁸. При этом Европейский союз определяет бокситы (алюминиевую руду) как критически важный ресурс.

Негативные настроения отразились и на научных исследованиях, существенная часть которых финансируется корпорациями. По итогам 2023 г.,

доля ЕС в результатах исследований в области энергии и окружающей среды была сравнима с США, где экологическая повестка более поляризована, и значительно уступает КНР (рис. 1). Тем не менее, в целом европейский бизнес не против экологической повестки как таковой. Однако «Зеленый курс» нуждается в хорошо продуманной поддержке промышленной политики, что может быть осуществимо либо за счет повышения цен, либо за счет инвестиций¹⁹.

Источник: *Rebuilding Europe's business case, working against the clock // Competitiveness and Industry Benchmarking Report, 2024. 52 p.* URL: <https://ert.eu/wp-content/uploads/2024/03/ERT-Competitiveness-and-Industry-Benchmarking-Report-2024.pdf> (дата обращения: 13.06.2024)

Рис. 1. Доля выпущенных высокорезультативных исследований в области критических технологий, 2023, %

Source: *Rebuilding Europe's business case, working against the clock. Competitiveness and Industry Benchmarking Report, 2024. 52 p.* URL: <https://ert.eu/wp-content/uploads/2024/03/ERT-Competitiveness-and-Industry-Benchmarking-Report-2024.pdf> (accessed: 13.06.2024)

Fig. 1. Share of high impact research output in critical technologies, 2023, %

Организационные проблемы

Переходя к блоку организационных проблем, затрудняющих продвижение общей рамки ЕС в достижении технологической независимости, напомним, что Союз получил исключительную компетенцию в формировании общей политики в области ПИИ после Лиссабонской реформы, вступившей в силу в 2009 г. С тех пор нормы о поощрении и продвижении ПИИ, которые могут являться сегодня частью торговых соглашений но-

вого поколения с третьими странами (например, всеобъемлющее соглашение между ЕС и Канадой 2016 г.), хотя и подлежат переговорному мандату ЕС, требуют ратификации каждым государством-членом ЕС. С другой стороны, приобретение исключительной компетенции значительно повысило влияние наднациональных органов (в частности, Европейской комиссии) на экспорт стандартов ЕС в третьи страны, в чем, с нашей точки зрения, мог бы проявиться «эффект Брюсселя», однако этого

¹⁷ Germany faces a looming threat of deindustrialization // The Economist. 11.09.2022. URL: <https://www.economist.com/business/2022/09/11/germany-faces-a-looming-threat-of-deindustrialisation>. (дата обращения: 18.06.2024)

¹⁸ Котов А. С какой силой звонит колокол? Масштабы деиндустриализации в ЕС // РСМД. 10.07.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/s-kakoy-siloy-zvonit-kolokol-masshtaby-deindustrializatsii-v-es/> (дата обращения: 18.07.2024)

¹⁹ Wirtschaftliche Sicherheit und Zusammenhalt in polarisierten Welten stärken // BDI. URL: <https://bdi.eu/#/artikel/news/tag-der-industrie-tdi-wirtschaftliche-sicherheit-zusammenhalt-in-polarisierten-welten-staerken> (дата обращения: 17.07.2024)

не происходит. Более того, с недавнего времени европейский либеральный подход к ПИИ перестал устраивать самих европейцев. Основу регулятивной повестки ЕС сегодня представляют меры защиты общего рынка от нежелательных ПИИ и нивелирование угроз для экономической безопасности Европы. Они являются адаптированными для того, чтобы быть жизнеспособными в интеграционном союзе 27-ми стран-членов, но фактически повторяют путь ближайшего союзника ЕС – США: ограничение на ввоз ПИИ в чувствительные и стратегические отрасли, чтобы избежать риска кражи технологий с внутреннего рынка, при последующем давлении на вывоз инвестиций из страны с целью недопущения утечки перспективных идей и инноваций в третьи страны.

Организационные ограничения на ввоз ПИИ в чувствительные и стратегические отрасли действуют в ЕС с осени 2020 г., после вступления в силу Регламента ЕС о создании механизма скрининга для входящих прямых иностранных инвестиций (Regulation (EU) 2019/452). Основная задача механизма – не допустить на общий рынок ЕС иностранного инвестора, деятельность которого может представлять угрозу для экономической безопасности Союза. Для этого был составлен примерный перечень секторов экономики, имеющих стратегическое значение и являющихся наиболее уязвимыми (соответственно, это все критические технологии); введено новое понятие «прямые иностранные инвестиции, подконтрольные государству не члену ЕС». С точки зрения формы Регламент предлагал межправительственные консультации с участием Европейской Комиссии, хотя в целях регулирования были заявлены пожелания национальной кодификации и гармонизации нормотворчества для создания общеевропейского режима скрининга ПИИ. Таким образом, сведения о сделках с ПИИ, прямо или косвенно подпадающих под действие Регламента, должны были: а) отслеживаться государством, принимающим такие ПИИ; б) направляться для консультации с заинтересованными странами-членами и Европейской Комиссией; в) по результатам процедуры скрининга национальные правительства принимали решение одобрить или отклонить такие ПИИ.

Стоит подчеркнуть, что процедура Регламента носит добровольный характер консультаций. Фактически ни Европейская комиссия, ни заинтересованные государства-члены не в силах посредством этих мер принудить принимающую сторону отклонить или принять ПИИ, равно как и обязать

страну-члена создать определенный национальный механизм с жесткими рамками и критериями. Формат Регламента представляется скорее стимулирующим, нежели гармонизирующим. Он разрешает, но не обязывает государства-члены вводить национальные правила, регулирующие проверку ПИИ. При этом национальные правительства имеют возможность определять объем своих рамок регулирования – например, какие инвестиции проверять, как устанавливать понятие контроля со стороны субъекта третьей страны, какие секторы следует включить в число критически важных для национальной безопасности и общественного порядка, и более того, решать, стоит ли вообще проверять потенциальных инвесторов и их планы относительно сделок.

Такой подход в целом вписывается в общую картину интеграционных процессов ЕС, когда для достижения углубленного сотрудничества в новых областях требуется прибегать к мягким стимулирующим нормам, и является примером гибкой интеграции, соответствуя одной из ее форм – «заранее определенной гибкости» (predefined flexibility) [27]. По этим же причинам регулирование не предполагало пороговых сроков для имплементации во внутренние законодательства. Тем не менее, статья 15(1) Регламента требует, чтобы Европейская Комиссия оценила эффективность регулирования и представила отчет Европейскому парламенту и Совету к заранее обозначенной дате – 12 октября 2023 г. (то есть не позднее, чем через 3 года после его полного внедрения). Таким образом, подразумевалось, что де-факто все страны-члены так или иначе введут национальные механизмы скрининга ПИИ в разумные сроки, позволяющие провести оценку к обозначенной дате, однако этого не случилось. Согласно данным Европейской счетной палаты (ЕСП) об эффективности применения Регламента 2019/452²⁰, к лету 2023 г. лишь 21 государство-член внедрило законодательство о скрининге входящих ПИИ, 15 – проводили консультации с ЕС. Болгария внесла такие поправки в свой Закон о поощрении инвестиций только в марте 2024 г. Хорватия учредила Национальный контактный пункт и Межведомственную комиссию, которые действуют как компетентные органы для механизма координации в соответствии с Регламентом ЕС о ПИИ, но пока не предъявляет официальных требований к подаче заявок. Кипрский парламент по сей день обсуждает законопроект о внедрении национального механизма контроля прямых иностранных инвестиций, внесенный

²⁰ Special Report 27/2023: Screening foreign direct investments in the EU – First steps taken, but significant limitations remain in addressing security and public-order risks effectively // European commission. 2023. URL: <https://www.eca.europa.eu/en/publications?ref=SR-2023-27> (дата обращения: 24.06.2024)

на рассмотрение в сентябре 2022 г.²¹ Итого, за 2020–2022 гг. 22,7% сделок по слияниям и поглощениям и 20% инвестиций «с нуля» осуществлено в государствах-членах, которые не имели полностью применимого механизма скрининга ПИИ, не проводили национальные проверки и не отправляли соответствующие уведомления заинтересованным странам-членам и Европейской Комиссии. В них же сосредоточено около 42% накопленных входящих ПИИ (табл. 2).

На общеевропейском уровне вышеперечисленные недостатки значительно отразились на эффективности регулирования. Вероятным следствием несогласованности политики на уровне ЕС стало то, что всего в 2% случаев (в 18-ти национальных уведомлений о ПИИ из 886-ти) Европейской Комиссией были усмотрены некоторые риски для безопасности и публичного порядка.

Кроме того, Регламент имеет некоторую особенность, которую можно расценивать как «пробел» с точки зрения третьей цели ЕС. В частности, ст. 2(1) определяет «Прямые иностранные инвестиции» как «инвестиции любого рода иностранного инвестора, направленные на установление или поддержание прочных и прямых связей между иностранным инвестором и предпринимателем...»²². В случае с ПИИ «с нуля» обычно такого рода связи устанавливаются между иностранным инвестором и принимающим государством. Наблюдается тенденция: на смену сделкам по слияниям и поглощениям приходят инвестиции в новые предприятия. Так, по данным Rhodium Group, доля китайских инвестиций в Европу «с нуля» выросла с 2% в 2017 г. до 78% в 2023 г.²³ Это подтверждает, что европейская модель – открытая, но принимающая страна имеет решающее значение.

Выводы

Проведенное исследование показало, что текущий подход ЕС к политике в области ПИИ и применяемые в его рамках инструменты оказывают недостаточное влияние на укрепление европейского технологического суверенитета. С точки зрения целей политики, в первую очередь ЕС необходимо достичь согласия с ключевыми партнерами – США и Китаем, с которыми инвестиционных соглашений нет. Это крайне сложная, но важная

задача для привлечения нужных инвестиций в высокотехнологические отрасли. На сегодняшний день европейские меры, такие как разрешение на субсидирование или механизм скрининга, являются «догоняющими», ответными на действия партнеров. В США, например, подобные инструменты существуют давно и успешно применяются в одностороннем порядке.

С большой долей вероятности закон IRA США станет мощным фактором притяжения для ПИИ, хотя научных исследований, подтверждающих эффективность этой программы, на сегодня нет. Тем не менее, очевидно, что общего бюджета ЕС недостаточно для создания финансовых стимулов, сравнимых по объемам с США. Инвестиционный климат в ЕС неблагоприятный, и экономических предпосылок для его существенного улучшения в ближайшее время нет. Поэтому дополнительные налоговые льготы для привлечения ПИИ нужны, но на временной основе и при определенных требованиях к инвестору. Как показало обсуждение вопросов субсидирования – ни наднациональные органы, ни ряд стран-членов не готовы поступиться принципами общего рынка о недопущении несправедливой конкуренции и провоцировать волнения среди местных производителей.

Для повышения эффективности в привлечении и распределении финансирования стратегически значимых проектов ЕС сосредоточен на продвижении рамочных программ. Тем не менее, ключевым барьером здесь выступает ограниченность общего бюджета. Иностранные инвесторы могут присоединиться к европейским программам, но только если между страной происхождения инвестора и Еврокомиссией заключено специальное соглашение. Практика подобных партнерств развита слабо, к тому же сами инвесторы видят большие перспективы, договариваясь напрямую с принимающей страной. Ответ стран-членов на наднациональные инициативы также нельзя назвать согласованным: национальные интересы продолжают превалировать над целями ЕС. Для общеевропейского суверенитета это – ключевая уязвимость.

Учитывая недостатки и «пробелы» регулирования «сверху», вероятно, возрастет роль в стимулировании ПИИ среди национальных и частных иници-

²¹ Adamou M. The revised FDI screening bill and Cyprus' failure to comply // CBN. 19.04.24. URL: <https://www.cbn.com.cy/article/2024/4/19/770592/the-revised-fdi-screening-bill-and-cyprus-failure-to-comply/> (дата обращения: 26.07.2024)

²² Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union // European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (дата обращения: 10.01.2025)

²³ Chinese FDI in Europe: 2023 Update. Report // Rhodium Group. 2024. 28 p. URL: <https://rhg.com/research/chinese-fdi-in-europe-2023-update/> (дата обращения: 02.02.2025)

Таблица 2

Эффективность применения Регламента о скрининге ПИИ

Table 2

Effectiveness of the application of the FDI Screening Regulation

Уведомления согласно ст. 6(1) Регламента*, 2020–2022 гг.		Национальный режим скрининга ПИИ	Доля в накопленных входящих ПИИ в ЕС (среднее значение за 2019–2021 гг.), %
Страна-член	Количество сделок / Количество проверок, %		
Франция	193 / 21	Полностью применим**	5,8
Италия	169 / 19	Полностью применим	2,9
Испания	164 / 18,5	Полностью применим	5,1
Австрия	156 / 17,6	Полностью применим	1,3
Дания	73 / 8	Полностью применим	0,9
Германия	63 / 7	Полностью применим	6,6
Литва	24 / 2,7	Полностью применим	0,2
Финляндия	13 / 1,5	Полностью применим	0,5
Матьта	9 / 1	Полностью применим	1,4
Нидерланды	7 / 0,8	Полностью применим	28
Чехия	6 / 0,67	Полностью применим	1,2
Польша	3 / 0,34	Полностью применим	1,6
Венгрия	3 / 0,34	Полностью применим	2,0
Румыния	2 / 0,22	Полностью применим	0,7
Латвия	1 / 0,11	Полностью применим	0,1
Люксембург	0 / 0	Действует с 01.09.23	21,9
Ирландия	0 / 0	Действует с 01.09.24	8,2
Бельгия	0 / 0	Действует с 01.07.23	3,9
Кипр	0 / 0	На обсуждении***	2,9
Швеция	0 / 0	Действует с 01.12.23	2,5
Португалия	0 / 0	Полностью применим	1,1
Словакия	0 / 0	Полностью применим	0,3
Болгария	0 / 0	Действует с 12.03.24	0,4
Греция	0 / 0	На обсуждении***	0,2
Эстония	0 / 0	Действует с 1.09.23	0,2
Хорватия	0 / 0	Частично применим	0,2
Словения	0 / 0	Действует с 01.07.23	0,1
Всего	886 / 100		100

Примечания:

* статья 6(1) Регламента о ПИИ предусматривает, что государства-члены должны уведомлять Комиссию и другие государства-члены о любых ПИИ, которые проходят проверку на их территории;

** действует законодательство, создан механизм, проводились проверки ПИИ и консультации с ЕК и странами-членами;

*** создание национальных режимов проверки ПИИ включено в законодательную повестку дня на 2024 г.

Источник: *Special Report 27/2023: Screening foreign direct investments in the EU – First steps taken, but significant limitations remain in addressing security and public-order risks effectively // European commission. 2023. URL: <https://www.eca.europa.eu/en/publications?ref=SR-2023-27> (дата обращения: 24.06.2024).*

Source: *Special Report 27/2023: Screening foreign direct investments in the EU – First steps taken, but significant limitations remain in addressing security and public-order risks effectively. European commission. 2023. URL: <https://www.eca.europa.eu/en/publications?ref=SR-2023-27> (accessed: 24.06.2024).*

атив. По крайней мере, это удастся Венгрии. Не исключено, что ее примеру последуют и другие страны-члены, в особенности учитывая неутешительные прогнозы роста ВВП Европы на ближай-

шие годы. Что касается частных инициатив, то, например, Европейский деловой кодекс со временем мог бы перерасти в обычай и стать нормой в ЕС, тем более что, помимо бюрократических преиму-

щества учреждения, в разных государствах-членах ставки корпоративного налога до сих пор существенно отличаются, позволяя государствам-членам конкурировать за привлечение ПИИ как друг с другом, так и с третьими странами, за пределами ЕС. Вероятно, действующая с 1 января 2024 г. единая минимальная ставка корпоративного налога для трансграничных инвестиций в ЕС окажет значительное влияние на перераспределение активов внутри Союза, однако проблему неравномерного развития она, скорее всего, не решит.

Для России, также стремящейся стать одной из ведущих высокотехнологичных держав, изучение подхода ЕС позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, бесспорным преимуществом европейской модели является направленность на масштабные научные исследования и разработки. Этот аспект крайне важен и должен учитываться всеми субъектами, желающими достичь высокого уровня технологического развития, в том числе и

нашей страной. Во-вторых, придавая особое значение вопросам защиты европейского рынка, ЕС продолжает декларировать открытость. Закрытость вредна всем участникам мирового хозяйства. Вероятно, европейский контроль за слияниями и поглощениями сведет этот вид инвестиций к минимуму, однако строительство промышленных предприятий, инфраструктурных объектов и прочих ПИИ, как способствующих экономическому развитию принимающей страны, так и несущих выгоды инвестору, приветствуется. Соответственно, ожидать большого количества новых инвестиций в ЕС не следует, но их польза для укрепления технологического суверенитета будет выше. РФ также стоит сосредоточиться на стимулировании инвестиций «с нуля». В-третьих, несмотря на европейское регулирование и отношение наднациональных органов ЕС к РФ, страны-члены по-прежнему наделены полномочиями привлекать инвесторов. Это также нужно учитывать, формируя политику России в области исходящих ПИИ.

Список источников

1. Сидорова Е.А., Сидоров А.А. Стратегическая автономия Европейского Союза в экономике. Концепция и проблемы реализации // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 3(74). С. 119–142. EDN: <https://elibrary.ru/ijspar>. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.7>
2. Broeders D., Cristiano F., Kaminska M. In search of digital sovereignty and strategic autonomy: normative power Europe to the test of its geopolitical ambitions // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2023. Vol. 61. Iss. 5. P. 1261–1280. <https://doi.org/10.1111/jcms.1346>
3. Seidl T., Schmitz L. Moving on to not fall behind? Technological sovereignty and the ‘geo-dirigiste’ turn in EU industrial policy // Journal of European Public Policy. 2023. Vol. 31. Iss. 8. P. 2147–2174. <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2248204>
4. Mügge D. EU AI sovereignty: for whom, to what end, and to whose benefit? // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 8. P. 2200–2225. <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2318475>
5. Bora S.I., Schramm L. Toward a more ‘sovereign’ Europe? Domestic, bilateral, and European factors to explain France’s (growing) influence on EU politics, 2017–2022 // French Politics. 2023. Vol. 21. P. 3–24. <https://doi.org/10.1057/s41253-022-00203-y>
6. Ha L.T. Impacts of digital business on global value chain participation in European countries // AI & Society. 2024. Vol. 39. P. 1039–1064. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01524-w>
7. Bora S.I. ‘A Sovereign Europe’? Strategic use of discourse at the service of French economic interests in EU politics (2017–2022) // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2023. Vol. 61. Iss. 5. P. 1281–1297. <https://doi.org/10.1111/jcms.13463>
8. Quaglia L., Verdun A. The COVID-19 pandemic and the European Union: politics, policies and institutions // Journal of European Public Policy. 2023. Vol. 30. Iss. 4. P. 599–611. <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141305>
9. Farghali M., Osman A.I., Mohamed I.M.A., Chen Zh., Chen L., Ihara I., Yapet P.-S., Rooney D.W. Strategies to save energy in the context of the energy crisis: a review // Environmental Chemistry Letters. 2023. Vol. 21. P. 2003–2039. <https://doi.org/10.1007/s10311-023-01591-5>
10. Brodny J., Tutak M. Assessing the energy security of European Union countries from two perspectives – a new integrated approach based on MCDM methods // Applied Energy. 2023. Vol. 347. P. 121443. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2023.121443>
11. Иванова Н.А., Дорожкина Е.Г., Елистратова Н.Н. Инвестиционная безопасность как составляющая системы экономической безопасности // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора

- экономики. 2022. № 1. С. 122–128. EDN: <https://elibrary.ru/hshztb>.
<https://doi.org/10.37984/2076-9288-2022-1-122-128>
12. Данилин И.В., Сидорова Е.А. Концепция технологического суверенитета в меняющемся мире // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3(64). С. 238–243. EDN: <https://elibrary.ru/mbbqwd>.
https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_238-243
13. *Samuels R.J.* Rich nation, strong army: national security and the technological transformation of Japan. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 455 p. URL: <https://archive.org/details/richnationstrong0000samu> (дата обращения: 28.05.2024)
14. *Buti M., Fabbrini S.* Next generation EU and the future of economic governance: towards a paradigm change or just a big one-off? // *Journal of European Public Policy*. 2023. Vol. 30. Iss. 4. P. 676–695.
<https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141303>
15. *Reich R.* The rise of techno-nationalism // *The Atlantic*. 1987. Iss. 5. P. 63–70. URL: <https://cdn.theatlantic.com/media/archives/1987/05/259-5/132615158.pdf> (дата обращения: 28.05.2024)
16. *Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C.* European technological sovereignty: an emerging framework for policy strategy // *Intereconomics*. 2021. Vol. 56. P. 348–354.
<https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
17. *Афонцев С.А.* Теоретическое измерение экономического суверенитета // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3(64). С. 218–224. EDN: <https://elibrary.ru/cpovcr>.
https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_218-224
18. *Van Manen H., Gehrke T., Thompson J., Sweijts T.* Taming techno-nationalism: a policy agenda. Hague Centre for Strategic Studies (HCSS). 2021. 131 p. URL: <https://hcss.nl/wp-content/uploads/2021/09/Taming-Techno-Nationalism-Sept.-2021.pdf> (дата обращения: 25.04.2024)
19. *Арбатова Н.К.* Станет ли Европейский союз мировым центром силы? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 6. С. 51–65. EDN: <https://elibrary.ru/bxuaik>.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65>
20. *Bradford A.* Exporting standards: the externalization of the EU's regulatory power via markets // *International Review of Law and Economics*. 2015. Vol. 42. P. 158–173. <https://doi.org/10.1016/j.irl.2014.09.004>
21. *Dikaïos G.* EU climate diplomacy towards the IMO and ICAO. Springer Nature, 2024. 244 p.
<https://doi.org/10.1007/978-3-031-51123-3>
22. *Li W., Chen J.* From brussels effect to gravity assists: understanding the evolution of the GDPR-inspired personal information protection law in China // *Computer Law & Security Review*. 2024. Vol. 54. P. 105994.
<https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105994>
23. *Park S.A.* Shifted paradigm in technonationalism in the 21st century: the influence of global value chain (GVC) and US-China competition on international politics and global commerce – a case study of Japan's semiconductor industry // *Asia and the Global Economy*. 2023. Vol. 3. Iss. 2. P. 100063.
<https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2023.100063>
24. *Hirst P., Thompson G.* Globalization and the future of the nation state // *Economy and society*. 1995. Vol. 24. Iss. 3. P. 408–442. <https://doi.org/10.1080/03085149500000017>
25. *Meyer K.E.* Perspectives on multinational enterprises in emerging economies // *Journal of international business studies*. 2004. Vol. 35. P. 259–276. <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400084>
26. *Luo Y.* Illusions of techno-nationalism // *Journal of international business studies*. 2022. Vol. 53. P. 550–567.
<https://doi.org/10.1057/s41267-021-00468-5>
27. *Бабынина Л.О.* Гибкая интеграция в ЕС: классификация и проблемы институционализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 6. С. 31–37. EDN: <https://elibrary.ru/mqdlnt>.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-6-31-37>

Статья поступила в редакцию 03.08.2024; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 27.02.2025

Об авторе:

Макарова Анна Алексеевна, младший научный сотрудник сектора внешнеэкономической политики Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики; SPIN-код: 6640-5762

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Sidorova E., Sidorov A. EU strategic autonomy in the economy. *International Trends*. 2023; 21(3(74)):119–142. EDN: <https://elibrary.ru/ijspan>. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.7> (In Russ.)
2. Broeders D., Cristiano F., Kaminska M. In search of digital sovereignty and strategic autonomy: normative power Europe to the test of its geopolitical ambitions. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2023; 61(5):1261–1280. <https://doi.org/10.1111/jcms.1346> (In Eng.)
3. Seidl T., Schmitz L. Moving on to not fall behind? Technological sovereignty and the ‘geo-dirigiste’ turn in EU industrial policy. *Journal of European Public Policy*. 2023; 31(8):2147–2174. <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2248204> (In Eng.)
4. Mügge D. EU AI sovereignty: for whom, to what end, and to whose benefit? *Journal of European Public Policy*. 2024; 31(8):2200–2225. <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2318475> (In Eng.)
5. Bora S.I., Schramm L. Toward a more ‘sovereign’ Europe? Domestic, bilateral, and European factors to explain France’s (growing) influence on EU politics, 2017–2022. *French Politics*. 2023; 21:3–24. <https://doi.org/10.1057/s41253-022-00203-y> (In Eng.)
6. Ha L.T. Impacts of digital business on global value chain participation in European countries. *AI & Society*. 2024; 39:1039–1064. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01524-w> (In Eng.)
7. Bora S.I. ‘A Sovereign Europe’? Strategic use of discourse at the service of French economic interests in EU politics (2017–2022). *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2023; 61(5):1281–1297. <https://doi.org/10.1111/jcms.13463> (In Eng.)
8. Quaglia L., Verdun A. The COVID-19 pandemic and the European Union: politics, policies and institutions. *Journal of European Public Policy*. 2023; 30(4):599–611. <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141305> (In Eng.)
9. Farghali M., Osman A.I., Mohamed I.M.A., Chen Zh., Chen L., Ihara I., Yapet P.-S., Rooney D.W. Strategies to save energy in the context of the energy crisis: a review. *Environmental Chemistry Letters*. 2023; 21:2003–2039. <https://doi.org/10.1007/s10311-023-01591-5> (In Eng.)
10. Brodny J., Tutak M. Assessing the energy security of European Union countries from two perspectives – a new integrated approach based on MCDM methods. *Applied Energy*. 2023; 347:121443. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2023.121443> (In Eng.)
11. Ivanova N.A., Dorozhkina E.G., Elistratova N.N. Investment security as a component of the economic security system. *Fundamental and applied research studies of the economics cooperative sector*. 2022; (1):122–128. EDN: <https://elibrary.ru/hshztb>. <https://doi.org/10.37984/2076-9288-2022-1-122-128> (In Russ.)
12. Danilin I.V., Sidorova E.A. The concept of technological sovereignty in the transforming world. *Journal of the New Economic Association*. 2024; (3(64)): 238–243. EDN: <https://elibrary.ru/mbbqwd>. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_238-243 (In Russ.)
13. Samuels R.J. Rich nation, strong army: national security and the technological transformation of Japan. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 455 p. URL: <https://archive.org/details/richnationstrong0000samu> (accessed: 28.05.2024) (In Eng.)
14. Buti M., Fabbrini S. Next generation EU and the future of economic governance: towards a paradigm change or just a big one-off? *Journal of European Public Policy*. 2023; 30(4):676–695. <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141303> (In Eng.)
15. Reich R. The rise of techno-nationalism. *The Atlantic*. 1987; (5):63–70. URL: <https://cdn.theatlantic.com/media/archives/1987/05/259-5/132615158.pdf> (accessed: 28.05.2024) (In Eng.)
16. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. European technological sovereignty: an emerging framework for policy strategy. *Intereconomics*. 2021; 56:348–354. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6> (In Eng.)
17. Afontsev S.A. Theoretical dimensions of economic sovereignty. *Journal of the New Economic Association*. 2024; (3(64)):218–224. EDN: <https://elibrary.ru/cpovcr>. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_218-224 (In Russ.)
18. Van Manen H., Gehrke T., Thompson J., Sweijts T. Taming techno-nationalism: a policy agenda. Hague Centre for Strategic Studies (HCSS), 2021. 131 p. URL: <https://hcss.nl/wp-content/uploads/2021/09/Taming-Techno-Nationalism-Sept.-2021.pdf> (accessed: 25.04.2024) (In Eng.)

19. Arbatova N.K. Will European Union become a global power center? *World Economy and International Relations*. 2020; 64(6):51–65. EDN: <https://elibrary.ru/bxuaik>.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65> (In Russ.)
20. Bradford A. Exporting standards: the externalization of the EU's regulatory power via markets. *International Review of Law and Economics*. 2015; 42:158–173. <https://doi.org/10.1016/j.irle.2014.09.004> (In Eng.)
21. Dikaïos G. EU Climate diplomacy towards the IMO and ICAO. Springer Nature, 2024. 244 p.
<https://doi.org/10.1007/978-3-031-51123-3> (In Eng.)
22. Li W., Chen J. From brussels effect to gravity assists: understanding the evolution of the GDPR-inspired personal information protection law in China. *Computer Law & Security Review*. 2024; 54:105994.
<https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105994> (In Eng.)
23. Park S.A. Shifted paradigm in technonationalism in the 21st century: The influence of global value chain (GVC) and US-China competition on international politics and global commerce – a case study of Japan's semiconductor industry. *Asia and the Global Economy*. 2023; 3(2):100063. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2023.100063> (In Eng.)
24. Hirst P., Thompson G. Globalization and the future of the nation state. *Economy and society*. 1995; 24(3):408–442. <https://doi.org/10.1080/03085149500000017> (In Eng.)
25. Meyer K.E. Perspectives on multinational enterprises in emerging economies. *Journal of international business studies*. 2004; 35:259–276. <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400084> (In Eng.)
26. Luo Y. Illusions of techno-nationalism. *Journal of international business studies*. 2022; 53:550–567.
<https://doi.org/10.1057/s41267-021-00468-5> (In Eng.)
27. Babynina L. Flexible integration in the EU: classification and problems of institutionalization. *World Economy and International Relations*. 2010; (6):31–37. EDN: <https://elibrary.ru/mqdlnt>.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-6-31-37> (In Russ.)

The article was submitted 03.08.2024; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 27.02.2025

About the author:

Anna A. Makarova, Junior Research Fellow, Section for the Foreign Economic Policy, Department of Global Economic Problems and Foreign Economic Policy; SPIN: 6640-5762

The author read and approved the final version of the manuscript.